

Anna Warda

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90–236 Łódź
ul. Pomorska 171/173

О литературных взаимоотношениях Д. И. Хвостова и Г. Р. Державина

Статья посвящена одному эпизоду из литературной жизни России конца XVIII – начала XIX века – дружбе и соперничеству двух поэтов с разным уровнем таланта и степенью признания у современников – Д. И. Хвостова и Г. Р. Державина. Анализ взаимных посвящений и эпиграмм этих поэтов показал, что приятельские отношения не помешали более талантливому и прогрессивному Державину посмеиваться над старомодным и консервативным Хвостовым, отмечать слабость его произведений. Хвостов реагировал на это болезненно, но стоически и без злобы.

Ключевые слова: литературные отношения, Д. И. Хвостов, Г. Р. Державин.

Literary Relations between Dmitry Khvostov and Gavriil Derzhavin

The paper is devoted to one of the episodes of the literary life in Russia at the turn of the nineteenth century, the friendship and rivalry between two poets of different degrees of talent and of contemporary acclaim: Dmitry Khvostov and Gavriil Derzhavin. Analysis of dedications and epigrams of these poets shows that friendly relations did not prevent the more talented and progressive Derzhavin from scoffing at the old-fashioned and conservative Khvostov and from stressing the weaknesses of his works. Khvostov reacted to it painfully, yet stoically and without malice.

Keywords: literary relations, Khvostov, Derzhavin.

Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835) – это один из самых плодотворных писателей второй половины XVIII – начала XIX века. Почти шесть десятилетий своей жизни он посвятил литературе, оставив следующим поколениям сотни произведений. Он писал комедии, драмы, оды, послания, элегии, сатиры, стансы, басни, эпиграммы, надписи, много переводил. Хвостов на всем протяжении своей литературной деятельности был последовательным

сторонником классицизма и придерживался эстетических предписаний Буало и Сумарокова¹. Писатель был членом Российской академии, вместе с А. Шишковым и Г. Державиным основал «Беседу любителей русского слова», а также получил звание почетного члена многих университетов и обществ. Активно сотрудничая в «Бесede», Хвостов часто не принимал литературных взглядов Шишкова и Державина, придерживаясь архаических литературных решений, типичных для уходящего классицизма. В результате этого уже в начале XIX в. Хвостов стал объектом насмешек со стороны других писателей, хотя до начала XIX века его произведения не уступали литературным уровнем другим писателям того времени. Над Хвостовым издевался также Александр Пушкин² и другие писатели его круга, которые сочиняли на его тему эпиграммы, сатиры, пародии, смеялись над ним в пьесах. Интересно, что начало эпиграмматических нападок на Хвостова приписывается талантливому, но ленивому племяннику писателя – однофамильцу – Александру Семеновичу Хвостову³.

В результате многочисленных насмешек над Хвостовым, журналы перестали принимать и публиковать его стихи, которые граф, будучи богатым человеком, печатал за свой счет. Однако чтобы выпустить следующие издания своих сочинений он раньше сам скупал и уничтожал предыдущее издание. Десятки своих произведений он издал за свой счет в виде отдельных брошюр.

На упреки и насмешки собратьев по перу Хвостов отвечал в своих стихотворениях обычно спокойно и с автоиронией. Для литературной молодежи, которая специально, для насмешек, обращалась к нему с хвалебными посланиями или просьбами поучить их мастерству, создавал стихотворные ответы – поучения.

В данной статье мы обратим внимание на группу произведений графа Хвостова и его сотрудника из «Беседы любителей русского слова», знаменитого писателя конца XVIII – начала XIX века – Гавриила Романовича Державина (1743–1816), который познакомился с Хвостовым в начале своей литературной деятельности и поддерживал с ним отношения на протяжении всей жизни.

Д. И. Хвостов с самого начала своего знакомства с Державиным выражал к талантливому стихотворцу свое уважение. Он создавал в его честь стихи, помещаемые, главным образом, на страницах издаваемого им консервативного журнала «Друг Просвещения» (1804–1806). Одним из произведений Хвостова, восхваляющих Державина было стихотворение *К Барду* (1804), посвященное прославлению высокого дарования Державина. Выступающие в нем названия двух рек – Кубра и Волхов неслучайны. Так, на Кубре располагалось имение графа Д. И. Хвостова, а на Волхове была усадьба Державина

¹ *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, т. 2, Москва 1992.

² М. Амелин, *Граф Хвостов: писатель и персонаж*, Москва 1997, http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0060shtml

³ В. П. Степанов, *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 3: *Р–Я*, Санкт-Петербург 2010, с. 331–335.

в Званке («Певец, близ Волхова живущий»⁴). Следует обратить внимание на то, что Хвостов несколько месяцев раньше поместил в «Друге Просвещения» *Оду реке Кубре* и после этого он часто обращался к ней в своих стихотворениях. В данном произведении Хвостова противопоставление маленькой Кубры и большого Волхова подчеркивает разный уровень поэтического дарования Хвостова и Державина. Лирическое «я», характеризуя Барда – Державина, замечает: «И дара слов и мыслей полн». Это высказывание свидетельствует не только о поэтическом таланте воспетого поэта, но также о его уме и оригинальности. В противовес ему лирическое «я» замечает, что он сам не получил дарования от небесных сил, не приобрел славу, не воспевает в своих произведениях героев, только природу и идиллическую жизнь пастушков. Стихотворение заканчивается апострофом к Барду, который как наперсник Аполлона, Горация и Анакреона сможет описать всю вселенную в высоком стиле:

Тебе, о Бард! тебе дано
Обнять воображенья оком
Обитель звезд, пучины дно.
Наперсник славный Аполлона!
Горация, Анакреона
Совокупляет красоты;
Грозами потрясает горы,
Или у розы в царстве Флоры,
Целует, как Зефир, листы⁵.

В эту «речную тематику» Кубры и Волхова вписывается также стихотворение-ответ Державина озаглавленное *Волхов Кубре*, написанное им в Званке в 1804 г. Впервые оно было напечатано в «Друге просвещения» за сентябрь 1804 г. (ч. III, с. 192), без подписи, но с примечанием издателя: «Хотя сия пьеса сообщена нам от графа Хвостова без имени сочинителя, но всякий легко угадывает, что она есть творение преславного барда, вместе Горация и Анакреона нашего»⁶. Соблюдая принятую раньше Хвостовым конвенцию персонификации рек, Державин от имени реки Волхов обращается к реке Кубре. Уже в первых строках он намекает на стихи Хвостова, восхваляющие его пышным слогом на страницах журнала «Друг Просвещения»:

Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славе ты моей.

Дальше лирическое «я», вспоминая о своем пожилом возрасте, убеждает адресата своего произведения, что он не только бард, воспеваящий героев

⁴ Х. И. Хвостов, *К Барду*, [в:] *Полное собрание стихотворений графа Хвостова*, Санкт-Петербург 1821, с. 88.

⁵ Там же, с. 89.

⁶ *Сочинения Державина в 9 т. с объясн. и примеч. Я. Грота*, т. 2, Санкт-Петербург 1865, с. 486.

и важные события, но обыкновенный человек, у которого есть разные злободневные проблемы. Его внимание как поэта притягивает также красота молодых девушек, русские народные песни, сельская природа, о которой сочиняет свои простые стихи:

И бард мой с арфой ветхострунной
Хоть сидя на холму поет,
Но, представляя вечер лунной
Он тихий голос издает.

В обращении адресату своего сочинения лирическое «я» намекает на сочиняемые им в высоких жанрах стихи и советует упражняться в низком жанре идиллии. Подтверждают это выступающие в данном фрагменте произведения Державина имена: героя идиллии Феокрита – юного козопаса Меналка, Биона из Смирны, известного древнегреческого автора идиллий, Соломона Геснера – немецкого идиллического поэта XVIII века, Публия Вергилия Марона, древнеримского автора *Буколик*:

И ты, в наядах быв известной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой прелестной,
Вздыхнув, Меналка обойми.
С Бионом, Геснером, Мароном,
Потомства позднего в уме
Твердись, пастушьим, сельским тоном,
С кузнечиком светись во тьме.

Оценку поэтических умений Хвостова Державин выразил также в изданном в 1805 году комментарии поэта к своим стихотворениям – *Ключ к его стихотворениям*. По свидетельству П. Я. Вяземского, на рукописи Хвостов, увидев упоминание о себе, пометил: «Гаврила Романович, кажется, ошибается, полагая, что названный им поэт не способен к лирическому роду»⁷. Интересно, что в изданном Остолоповым *Ключе к сочинениям Державина* нет слов, которые относились к Хвостову. Однако в *Объяснениях на сочинения Державина*, которые он сам продиктовал в 1809–1810 гг. в примечании к стихотворению *Волхов Кубре* о Хвостове написано: «Автор [...] давал совет гр. Хвостову, чтобы он писал иногда и в низжайшем роде стихотворства, т.е. в пастушьем, а не надувался за Пиндаром [...], ибо лучше писать маленькое какое-нибудь сочинение, но приятное и тем прославиться, нежели высокопарное и быть неуважаему»⁸.

Хвостов спокойно отвечал на критику своего творчества со стороны знаменитого поэта и своего приятеля Державина, хотя так как в случае стихотворения *Живописцу моему* чувствуется в нем также ирония. Используя имя

⁷ Г. Державин, *Сочинения*, т. 2, Санкт-Петербург 1869, с. 307.

⁸ Г. Державин, *Сочинения*, т. 3, Санкт-Петербург 1869, с. 570.

древнегреческого живописца Апеллеса, лирическое «я» говорит ему, что полотно, на котором он изобразил великолепный портрет лирического «я», является отражением его таланта, а не красоты изображенного на нем человека. То, что он создал, это образец мастерства художника, а не объекта – поэта, который останется лишь посредственным певцом:

Так точно, Апеллес! с тобою я согласен,
Удачен образ мой, твой труд был не напрасен.
Не мни, что подарил ты лавр бессмертный мне,
Меня изобразив хитро на полотне;
Коль тайны истожил всех живописных правил;
Ты только лишь себя, а не меня прославил;
Ты будешь, может быть, искусства образец,
А я остануся посредственный певец.

Свое уважение к Державину и восхищение его талантом Хвостов выразил также в надписи к портрету знаменитого поэта. Несмотря на краткую, четверостишную ее форму, он умело перечислил в ней все заслуги Державина. Так, он определил его место среди муз, указывая тем самым на великий талант поэта, который еще при его жизни обеспечил ему бессмертие, вспомнил также о его оригинальности и силе воздействия его произведений. Не забыл о стихах, восхваляющих Екатерину в оде *Бог*, которые принесли ему известность и славу:

Внутри священного высоких Муз чертога
Державин приобрел бессмертия венец;
Богатый мыслями и пламенный певец
Постиг, изобразил Екатерину, Бога.

Упомянутая в данной надписи ода Державина *Бог* стала поводом для литературной полемики между писателями. Вспомним, что Державин написал ее в 1784 году и ода приобрела почти сразу известность и популярность в России, а также была переведена на несколько языков. Через 11 лет после появления знаменитой оды Державина, Хвостов опубликовал под таким же названием свою оду, рассчитывая, несомненно, на такой же успех как и Державина. Интересно, что сам Хвостов оценивал свою оду очень высоко, что подтверждает следующий анекдот о нем. Так, однажды по дороге в Царское Село он взял с собою своего секретаря Ильинского и попросил его, чтобы тот откровенно сказал, которую из двух од: Державина или его он находит выше. Когда услышал его ответ в пользу державинской оды, оскорбленный хотел высадить своего секретаря среди дороги и с трудом согласился везти его дальше⁹.

⁹ http://az.lib.ru/h/hwostow_d_text_0130.shtml

Слухи о честолюбивых речах Хвостова дошли, несомненно, также до Державина, который создал злую, насмешливую эпиграмму на оду Хвостова *Бог*, и, как видно, также на ее автора:

«Как нравится тебе моя о Боге ода?» –
 Самхвалов у меня с надменностью спросил, –
 «Я фантастическа не написал уroda,
 О коем нам в письме Гораций говорил;
 Но всяку строку я набил глубокой мыслью
 И должный моему дал Богу вид и рост».
 – «То правда, – я сказал, нелепицу ты кистью
 И быть бы где главе, нарисовал тут...хвост».

Название Державиным героя своей эпиграммы говорящей фамилией Самхвалов подчеркивает черту писателя, которая проявилась как в приведенном выше анекдоте, так и в данной эпиграмме. Державин использует в ней фрагмент письма Горация к Пизонам *О поэтическом искусстве*, в котором он пишет о стихотворцах, не соблюдающих в своих произведениях единства изображений и считающих свой образ гениальной поэтической вольностью. Гораций сравнивает такое несообразное произведение с картиной, в которой живописец объединил бы в единое целое части человека, зверей, птиц и рыб:

Если бы вдруг живописец связал с головой человеческой
 Конский затылок и в пестрые вырядил перья отсюду
 Сборные члены; не то заключил бы уродливо-черной
 Рыбой сверху прекрасное женское тело, – при этом
 Виде могли ли бы вы, друзья! удержаться от смеху?

Самхвалов убеждает, что он не создал в своем произведении о Боге уroda, о котором вспоминал Гораций в своем письме, только существо, имеющее соответствующий вид и рост. Лирическое «я», подтверждая это, иронически замечает, что все было бы в порядке, если бы определенные части тела этого существа были на своем месте. Таким образом Державин, используя свой талант и поэтические умения, мягко выразил свое мнение на тему его оды и поэтического таланта.

Кроме вышеназванной значащей фамилии, которую Державин употребил для осмеяния Хвостова, он применил к поэту также другие названия, которые, с одной стороны, высмеивали его графоманию, а с другой были оценкой его творчества. Например, эпиграмма Державина *На Скрыплева*, которая в то время функционировала в рукописной форме в нескольких списках, имела несколько версий названия, например: *На тяжелошлова*, *На Хв***а*. Под последним можно, несомненно, разгадать фамилию Хвостова¹⁰. В эпиграмме дается ряд образов, которые относятся к поэту и его творчеству, например:

¹⁰ *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*, т. 3: *Стихотворения*, ч. III, Санкт-Петербург 1866, с. 500.

Скрипит немазанна телега
 В степи песчанистой без брега
 И с золотом везет навоз.
 Сидит кулик-крикун в болоте,
 Трудится в тяжкой он работе:
 То ноги увязит, то нос.

В завершающем эпиграмму фрагменте появляется греческого происхождения имя Федул, которое означает «слугу Бога». В контексте оды Хвостова *Бог* и отношения самого автора к этому произведению, вполне понятен следующий фрагмент:

От рынка ходючи до рынку,
 Дудит по праздникам в волюнку
 Докучну песню всем Федул.

Дальнейшая характеристика этого персонажа о том, что он кричит (не поет!) столбовую (напев простой и без меры, имеющий сходство с чтением нараспев), а также сравнение Федула со Скрыпчевым и его поэзией, удачно характеризуют творчество Хвостова. Сомнений в характере отношений Державина к Хвостову не оставляет также употребленный с иронической целью эпитет «славный», стоящий перед фамилией Скрыплева:

Кричит, пускась на удалую,
 Одну весь век свой столбовую
 Из многих пономарь стихов.
 Подобно так твоя приятна,
 Легка поэзия и внятна,
 О славный наш поэт, Скрыплев!

Подобный характер имеет другое стихотворение Державина *На рифмоплета*, которое, подобно предыдущему его произведению, функционировало в рукописной форме. Хотя в нем не появляется фамилия Хвостова, никто не сомневался, к кому оно относится. Державин сравнивает в нем стихи рифмоплета с неудачными блинами, которых нельзя кушать:

Видал ли, рифмоплет, на рынке ты блины
 Из гречневой муки, холодные, сухие,
 Без соли, без дрождей, без масла спечены,
 И словом, черствые и жесткие такие,
 Что в горло могут быть пестом лишь втолчены?
 Не трудно ль — рассуди — блины такие кушать,
 Не казнь ли смертная за тяжкие грехи?
 Вот так-то, рифмоплет, легко читать и слушать
 Увы! твои стихи.

Державин высмеивает также похвальные оды Хвостова, их стиль и употребленные в них языковые средства в эпиграмме *На вздорного писателя*:

В твоих торжественных, высокопарных,
 Похвальных одах, благодарных,
 Не блеск в мраке зрю, – не день,
 Не звуки слышу громовые:
 Текут потоки потовые
 И от гремушек дребедень.

Свое пренебрежительное отношение к творчеству Хвостова Державин выразил также в двухстишной эпиграмме, в которой, кроме графа появляется еще фамилия Вольтера и Дюпора (Louis Duport) – известного парижского танцовщика (1782–1853), живущего в Петербурге с 1808 по 1812 год:

А граф – сказать ли без укор?
 Танцует как Вольтер, а пишет как Дюпор!

Граф Хвостов, как мы уже упоминали раньше, был человеком спокойным, презирал сатиру, но, кажется не до конца. Он ценил и уважал Державина и его творчество и был убежден в величии его таланта. Однако, когда Державин в 1804 году был снят с должности министра юстиции, Хвостов сочинил стихотворение *Гавриле Романовичу Державину*, в котором не только хвалит, но и поучает великого поэта. Произведение начинается с апострофы: «Министр, герой, певец!» обращенной, как можно догадаться, к Державину, и замечания, что эти три разных по своему характеру критерия (функция, качество персонажа, вид занятия) как и планеты не имеют конца. В контексте данной жизненной ситуации Державина, эти слова, а также замечание, что певец видел «лепоту и стройность мира», то есть как статс-секретарь был вблизи царицы и ее фаворитов, выражают ревность со стороны Хвостова.

После этого вступления лирическое «я» начинает поучать одаренного поэта, что и как он должен описывать в своих произведениях. Итак, он считает, что истинный поэт должен писать обо всем, все должно найти художественно-эстетическое и философское отражение в его творчестве: звезды, планеты, космос, славные деяния Петра Великого, природа, а также отрицательные стороны человеческой жизни. Поле видения настоящего литератора должно быть широким и разносторонним. Хотя в этом стихотворении нет явной критики Державина, то все-таки его поучительный характер и повелительная форма обращений к поэту (представь, изобрази) определяют здесь литературную позицию Хвостова как ментора.

В заключение следует обратить внимание на стихотворение Хвостова *К моему портрету* (1827), которое явно намекает на державинский *Памятник* (1795). Уже в самом начале он парфразирует первый стих сочинения Державина: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный»; у Хвостова: «Я памятник, друзья! воздвигнул прочный, вечный». Однако дальше, в противовес Державину, который пишет о своих писательских достижениях, Хвостов призывает других литераторов, чтобы те писали сердцем и умом,

о чем захотят и как захотят. В конце покорно, не ожидая похвал и славы как сочинитель, он пишет:

Я не прошу похвал, я жду любви – совета
Хвостова помните, забудьте вы поэта.

Как можно заметить, Хвостов в конце жизни понял, что он не создал знаменитых произведений и не приобрел славы как писатель, поэтому он хочет, чтобы люди помнили его прежде всего как хорошего человека. Кажется, что Хвостов не кокетничал и объективно оценил свои поэтические умения.

Приведенные нами произведения обоих писателей показали нам не только характер их взаимных отношений, но также фрагмент литературной жизни той эпохи, которая запечатлена в их литературных произведениях.